

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 1. С. 11–27.

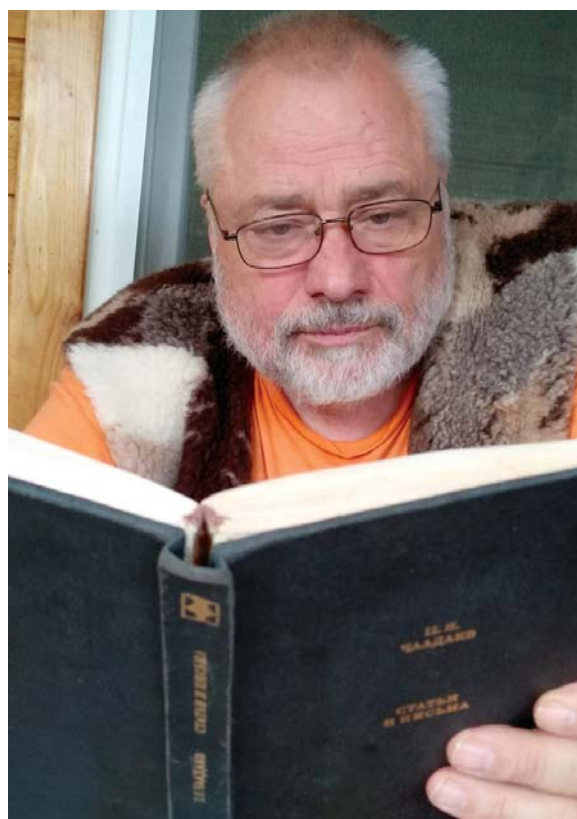
Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2022. Vol. 5, no. 1. P. 11–27.

Научная статья / Original article

УДК 008:316.42

doi:10.17323/2658-5413-2022-5-1-11-27

КНИЖНИКИ КАК ХРАНИТЕЛИ СМЫСЛОВ: Памяти Льва Михайловича Турчинского

Владимир Карлович Кантор

Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия, vlkantor@mail.ru

Аннотация. В истории России, впрочем как и в истории европейской культуры, книги не раз уничтожались властными структурами. Можно вспомнить индексы запрещенных книг, составленные инквизицией, запреты российской власти на тексты Чаадаева, Белинского, Вл. Соловьева, но запреты на книги в эпоху советской власти потрясают. Запрещались не только политические или публицистические книги, под запретом оказались произведения крупнейших русских писателей и поэтов — Ахматовой, Мандельштама,

Цветаевой и др. Однако мало кто обращал внимание на деятельность людей, пытавшихся эти книги спасти и спасавших. В своей статье автор рассказывает об одном из таких подвижников — книжнике Льве Турчинском.

Ключевые слова: книга, запрещение, Крупская, Турчинский, Кормер, Мандельштам, Цветаева, Кистяковский, КГБ

Благодарности: Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Ссылка для цитирования: Кантор В. К. Книжники как хранители смыслов: Памяти Льва Михайловича Турчинского // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 1. С. 11–27. <https://doi.org/10.17323/2658-5413-2022-5-1-11-27>.

From the Editor

SCRIBES AS A KEEPERS OF MEANINGS:
In the Memory of Lev Mikhailovich Turchinsky

Vladimir K. Kantor

National Research University “Higher School of Economics”
(HSE University), Moscow, Russia, vlkantor@mail.ru

Abstract. In the history of Russia, as well as in the history of European culture, books have been destroyed more than once by the authorities. One can recall the indices of banned books compiled by the Inquisition, the prohibitions of the Russian authorities on the tests of Chaadaev, Belinsky, Vl. Solovyov, but the bans on books in the era of Soviet power are shocking. Not only political or journalistic books were banned, but the works of the largest Russian writers and poets — Akhmatova, Mandelstam, Tsvetaeva, and others — were banned. However, few people paid attention to the activities of people who tried to save these books and saved them. In his article, the author talks about one of these ascetics — the scribe Lev Turchinsky.

Keywords: book, prohibition, Krupskaya, Turchinsky, Kormer, Mandelstam, Tsvetaeva, Kistyakovsky, KGB

Acknowledgments: The article was prepared within the framework of the Basic Research Program at the National Research University “Higher School of Economics” (HSE University).

For citation: Kantor, V.K. (2022) ‘Scribes as a Keepers of Meanings: In the Memory of Lev Mikhailovich Turchinsky’, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 5(1), pp. 11–27. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2022-5-1-11-27.

В эпоху безмыслия и бессмыслия появляются люди, не являющиеся творцами новых смыслов, но хранящие эти смыслы. Назовем их старинным словом *книжники*.

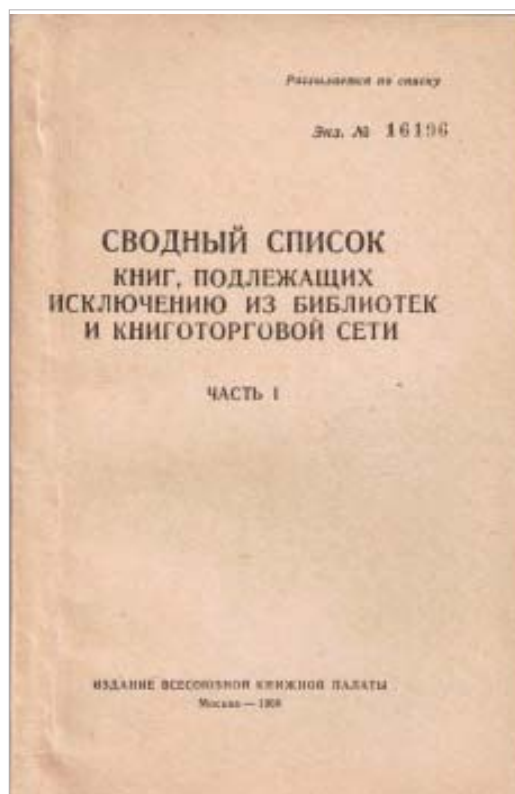

Лев Михайлович Турчинский (23 ноября 1933, Горький — 16 января 2022, Москва), российский литературовед, библиограф, библиофил

В 1956 году вышел на русском языке роман американца Рэя Брэдбери «451 градус по Фаренгейту», изданный в Штатах в 1953-м. Роман о том, как пожарные жгут книги и их хранителей. Странный сюжет для США! Но еще более странной оказалась скорость, с какой этот роман был переведен на русский язык. Такой мощный подарок для недобитых интеллигентов! Книгу читали практически все. Да и эпиграф был пугающий: «451 градус по Фаренгейту — температура, при которой воспламеняется и горит бумага».

Сюжет строится вокруг прозрения пожарного Гая Монтэга, сжигающего книги, вдруг открывшего в них высший смысл. Далее он отказывается от своей работы, бежит, его преследуют. Монтэг пробирается к реке, переодевается, заходит в воду, течение подхватывает его и уносит в темноту. Он встречается с группой людей, которые относятся к нему очень дружелюбно. Новые знакомые Гая хранили в своих головах строки литературных произведений, ожидая, пока литературная культура будет воссоздана. Каждый помнил наизусть какое-либо литературное произведение. Монтэг помнил несколько отрывков из библейских книг — Екклесиаста, Откровения Иоанна Богослова... И он присоединился к сообществу книжников.

В 1963 году вышел роман Стругацких «Трудно быть богом», в котором рассказывалось, как на другой планете, очень похожей на Землю, ловили «беглых грамотеев». Истребляли ученых, поэтов, а их тексты уничтожали. Читавшие сразу думали о Советском Союзе. Впрочем, и в дореволюционной России такая традиция была, напомним имена Чаадаева, Радищева... Достоевского приговорили к смертной казни за чтение вслух письма литератора Белинского литератору Гоголю.

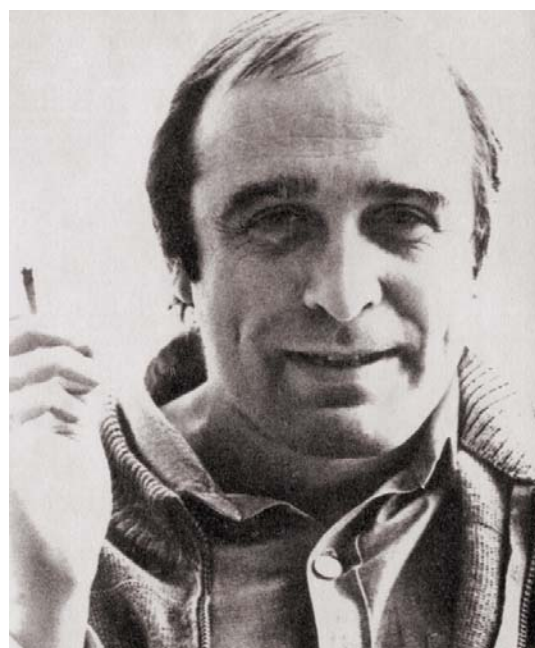
В СССР, как известно, первый черный список запрещенных книг создала Н. К. Крупская. Велено было изъять из библиотек Библию и все книги религиозного содержания, в 1920 году Главполитпросвет Наркомпроса РСФСР по инициативе Крупской разослал на места инструкцию о пересмотре каталогов и изъятии из общественных библиотек «идеологически вредной и устаревшей» литературы. Как признавала сама Крупская, «в некоторых губерниях потребовалось вмешательство ГПУ (то есть чекистов. — В. К.), чтобы работа по изъятию началась». В 1924 году она включила в эти списки Платона, Канта, Шопенгауэра, Лескова и других крупнейших авторов: Достоевского, басни Крылова и Лажечникова, Вс. Соловьева, Полевого, Скотта, Купера, Дюма-отца. В целом список книг по исторической беллетристике включал 51 наименование. Подлежала изъятию многотомная «История государства Российского» Карамзина. Изымались труды педагога Ушинского, что шокировало даже «буревестника революции» Горького. Особенно сильно пострадали детские библиотеки. По приказу Крупской из них были изъятые даже народные сказки и «Аленький цветочек» Сергея Тимофеевича Аксакова. Всего ее инструкция содержала 97 имен детских писателей. Крупская писала: «Мы ратуем против сказок... Ведь это мистика». Далее не просто книги изымались, а стали изыматься люди, читавшие или просто державшие дома запрещенные книги.

Даже далекие от книжного пафоса люди начали бояться практически любой книги. У моей деревенской бабушки была подшивка номеров «Задумчивого слова», дореволюционного журнала для детей, она называла эти журналы запрещенными и прятала их в подполе. И читать их она разрешала тоже там.

* * *

Друзья звали его Лёвка или Лёвушка. Я подружился с ним в 1973 году — это год, когда я пришел работать в «Вопросы философии». Нет, в журнале он не работал. Но он был в дружеских отношениях с неформальным лидером журнала Володей Кормером, человеком с очень светлой головой и невероятно талантливым, автором нескольких романов, написанных в стол и отосланных на Запад. Я пишу об этом, поскольку Турчинский был посвящен в тайную жизнь Кормера. У Лёвки было много андеграундных друзей. Он собрал самую большую библиотеку русской поэзии XX века. В те советские годы русские поэты (все эти исключенные из так называемого литературного процесса — Ахматова, Гумилев, Мандельштам и т. д.) издавались либо на Западе, либо пребывали в тайных списках, хранившихся у верных друзей. Поэтому ситуация жизни была, с одной стороны, лояльной (Лёвка работал в мастерской Пушкинского музея переплетчиком и оформителем), с другой — поневоле связанной с запретными контактами с иностранцами и диссидентами, была по своему занятной. Гуляли по некоему краю.

С Кормером мы сошлись довольно быстро, он очень уважительно относился к моему отцу, знал, что в журнал «Вопросы философии» я попал с подачи Мераба Мамардашвили, это был мой проходной билет в интеллектуальное пространство. Ну и мой писательский пафос, пафос человека, пишущего «в стол». Володя тогда писал свой главный роман «Наследство», у меня были только новеллы. И завершенная кандидатская диссертация, которую ученый совет института, где я закончил аспирантуру, отказался брать на защиту, поскольку там была глава о русской религиозной эстетике. Работа в журнале позволила изменить ситуацию, мой диссер принял для защиты Институт философии АН СССР. Но проблемы оставались. Секретарь Московского горкома КПСС по идеологии Владимир Николаевич Ягодкин объявил враждебными тексты моего отца и коллеги по журналу, моего нового приятеля Бориса Юдина. Дело осложнилось и тем, что отец был тогда главным редактором журнала «Декоративное искусство» и как раз в эти месяцы опубликовал там статью Эренбурга о Марке Шагале. Номер попал на глаза Вели-

Владимир Федорович Кормер
(1939–1986)

Памятник Осипу Мандельштаму. Скульпторы Елена Владимировна Мунц, вдова В. Ф. Кормера, и Дмитрий Михайлович Шаховской. Установлен 28 ноября 2008 года в центре города, в сквере на углу Старосадского переулка и улицы Забелина, рядом с домом, в котором жил брат поэта Александр

кому инквизитору тех лет Михаилу Андреевичу Суслову. Он сразу вызвал на ковер заведующего отделом культуры ЦК, бросил журнал на стол и спросил, мол, кто позволил. И получил в ответ: «Уже уволен». И отца уволили задним числом.

Ягодкин оказался в струе «обострения идеологической борьбы», но существовали и аппаратные игры. Казалось, он ударил по тому, по кому бить разрешалось. И тем не менее были люди внутри аппарата, опасавшиеся рвущегося к власти. Началась партийная подковерная борьба. Ягодкин рвался на место первого секретаря МГК, однако не рассчитал свои силы. В результате этой борьбы его разбил паралич. Но редакция «Вопросов» об этом узнала гораздо

позже. Что касается защиты моей диссертации, то Кормер сказал, что по крайней мере внешне диссертация должна выглядеть представительной. И спросил, знаю ли я Лёвку Турчинского. «Он переплетчик», — пояснил Кормер.

Однако Турчинский был не просто переплетчик, он был в центре тех людей, которые делали всё возможное, а временами и невозможное, чтобы восстановить уничтоженную советской властью несоветскую прозу и поэзию. Ему приносили, и он сам добывал среди букинистов сохранившиеся ранние издания книг Замятина, Булгакова, Мандельштама, Ахматовой и многих других, восстанавливал книги и переплетал их.

На вопрос Кормера я отрицательно покачал головой, Лёвку я не знал. И мы пошли встречаться с ним в «стекляшку», находившуюся на пригорке над бассейном «Москва», где теперь стоит восстановленный храм Христа Спасителя, который был разрушен по приказу Сталина в 1931 году. Там мы выпили, глядя на бассейн и рассуждая о трагедии христианской культуры в большевистской России.

Так я с Лёвкой и познакомился. Хочу сразу сказать, что Лев Турчинский был явлением отечественной культуры. О нем написано немало, я хочу ограничиться моментами моего с ним контакта. Кормер пробурчал ему, что я тоже писатель. «Ну, не советский ведь», — отозвался Турчинский. Стоит заметить,

чтобы современному читателю было понятно: советскость мы не ненавидели, мы с ней не боролись, просто это было нечто чужое. «Нет, он нормальный», — ответил мой коллега. О защите рассказывать не буду. Лёва переплел мой диссер, и свою роль красивый переплет тоже сыграл. На защиту пришла вся редакция, научные философские мужи меня хотели, разумеется, завалить, — всё же был партийный окрик по поводу моего отца. Да и диссертант (я), как следовало из анкеты, — беспартийный. Лёвка пришел в самом начале действия и увидел только сцену моего избиения, погрузился, встал и вышел, он не видел, как открылась дверь и вошла мне в поддержку вся редакция «Вопросов». Ученый совет замер. Ягодкин, конечно, важен, но печататься надо в этом журнале! Мое потопление не состоялось, я защитился.

Через день мы с Турчинским встретились. Он спросил, как было дальше, я рассказал. «Ну, Вовка, — сказал он, — значит, у тебя сильный ангел-хранитель». Про ангела были не пустые слова. Он был человек верующий. Именно у него я познакомился с отцом Александром Менем, с которым потом близко общался до его трагической гибели в 1990 году. Молодые, скорее всего, этого не помнят, поэтому добавлю. Церковь к этому времени была допущена к светской жизни, отец Александр выступал по ТВ, писал в газетах и журналах, стал значимой, влиятельной фигурой. Его зарубили топором, когда он вышел из своего дома

Владимир Кантор и о. Александр Мень на квартире у Льва Турчинского. 1984

в поселке Семхоз и шел к станции электрички, чтобы ехать к себе в церковь, в Новую Деревню. Понятно, что его деятельность была многим, в том числе церковным иерархам, не по нутру. Но заказчика убийства так и не нашли.

* * *

Как вспомнил один из нижегородских приятелей Лёвушки, Турчинский всегда был больше склонен к диссидентству, общался с семьями репрессированной интеллигенции, был знаком с Анастасией Цветаевой и Ариадной Эфрон. Политика властей была абсурдна. Обыски дома у него и на работе проходили постоянно. Лёвку таскали на Лубянку несколько раз, не сажали, но держали долго, по несколько часов, требуя, чтобы он сообщал о своих иностранных гостях, о тех, с кем они общаются, о том, какие стихи ему приносят. Стукачом быть он отказался. Тогда кагэбэшники его наказали.

Передаю рассказ Лёвы о том, что с ним случилось. Он поздно вечером ехал домой в электричке, усталый, малость выпивший, с портфелем, набитым купленными книгами. Около него сел крепкий молодой парень, а напротив уселись еще двое молодых улыбчивых ребят. Как бы между прочим спросили, до какой станции он едет. Лёвка простодушно ответил. Они тогда сказали, что видят, что он устал и дремлет, так пусть спит, а перед его станцией они его разбудят. И Лёвка заснул. В какой-то момент парни его растолкали: «Вставай,

Владимир Кантор, о. Александр Мень, Лев Турчинский

мужик! А то свою станцию проедешь!» И буквально дотащили его к выходу и вытолкнули на перрон на каком-то незнакомом Лёвке полустанке. И выпрыгнули следом сами. И поволокли его за шкурку и за руки вглубь небольшого лесочка. Там они остановились, один сказал: «Что же ты не хочешь с нами сотрудничать?» Другой аккуратно снял с Лёвки очки и положил на пенек, а третий со всего размаха ударил его в челюсть. Лёвка упал, но еще видел, как они выпотрошили портфель, его ударили еще раз, и он потерял сознание. Когда он очнулся, то почувствовал, как болит всё тело: очевидно, они еще били его ногами. Но при этом не взяли ни копейки. Книги аккуратно лежали на пне, на другом пне — очки, портфель на снегу. Это был не грабеж, это было наказание. Его не убили, как отца Александра, просто показали, где сила и власть. После этого он был уволен из Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Через время его приняли на работу в Государственный литературный музей. А однажды, когда его дома не было, его дочь, десятилетняя Ася, которую крестил отец Александр, уже понимая, что ищут незваные гости в их доме, стала быстро прятать запрещенные книги стихов — Гумилева и Цветаевой. Поразительная семья!

Однако иногда в этой напряженной полуподпольной жизни случались и комические моменты. Как-то Кормер зашел ко мне домой и увидел на столе книгу избранного Евг. Замятина. И всё бы ничего, но на книге стояло, что она издана политэмигрантами из СССР. Володька попросил ее почитать. Он при этом ехал дальше в гости на чей-то день рождения. Я возразил, что он там выпьет и в метро его заметут. Кормер меня уговорил, взял книгу и ушел. Прихватил еще томик Мандельштама. Утром позвонил и сказал: «Ты был прав. В метро замели». Я прерывающимся голосом спросил: «Ну и что?» Он хмыкнул: «Потрясающий лейтенант попался. Взял под руку, довел до эскалатора, проводил до поезда и на прощание сказал, что если я такие книги читаю, то пить мне нельзя. Что Замятин, конечно, очень большой писатель. И стихи Мандельштама замечательные. Но будьте аккуратнее. Что сие значит? Культура проникает и в эти структуры». Мы решили, что порядочные люди есть везде.

Уже позднее, после смерти Володи Кормера, его жена скульптор Елена Мунц создала потрясающий скульптурный образ великого поэта.

* * *

Круг знакомых Турчинского был огромен. Назову нескольких. Поскольку он обладал самой большой в мире библиотекой русской поэзии XX века, то все филологи, занимавшиеся русским XX веком, входили в этот круг. Это и Николай Котрелёв, и Николай Богомолов, и Габриэль Суперфин, и Вадим Борисов,

Вадим Маркович Козовой (1937–1999), поэт, переводчик Поля Валери, муж Ирины Емельяновой, дочери Ольги Ивинской, последней музы Пастернака. С будущей женой он познакомился в мордовских лагерях, где провел семь лет, с 1957 по 1963 год

Сены, разглядывая маленькие лавочки букинистов, к собору Парижской Богоматери подошел всего лишь раз, но видел его всё время с другой стороны реки. Он искал и находил то, что другие не видели. Как пишут, он ввел в научный обиход целый ряд прежде неизвестных рукописных книг, а также книг, сохранившихся в единственном экземпляре. Он стал специалистом по творчеству Марины Цветаевой как составитель сборника воспоминаний о поэтессе, автор комментариев к воспоминаниям Ариадны Эфрон.

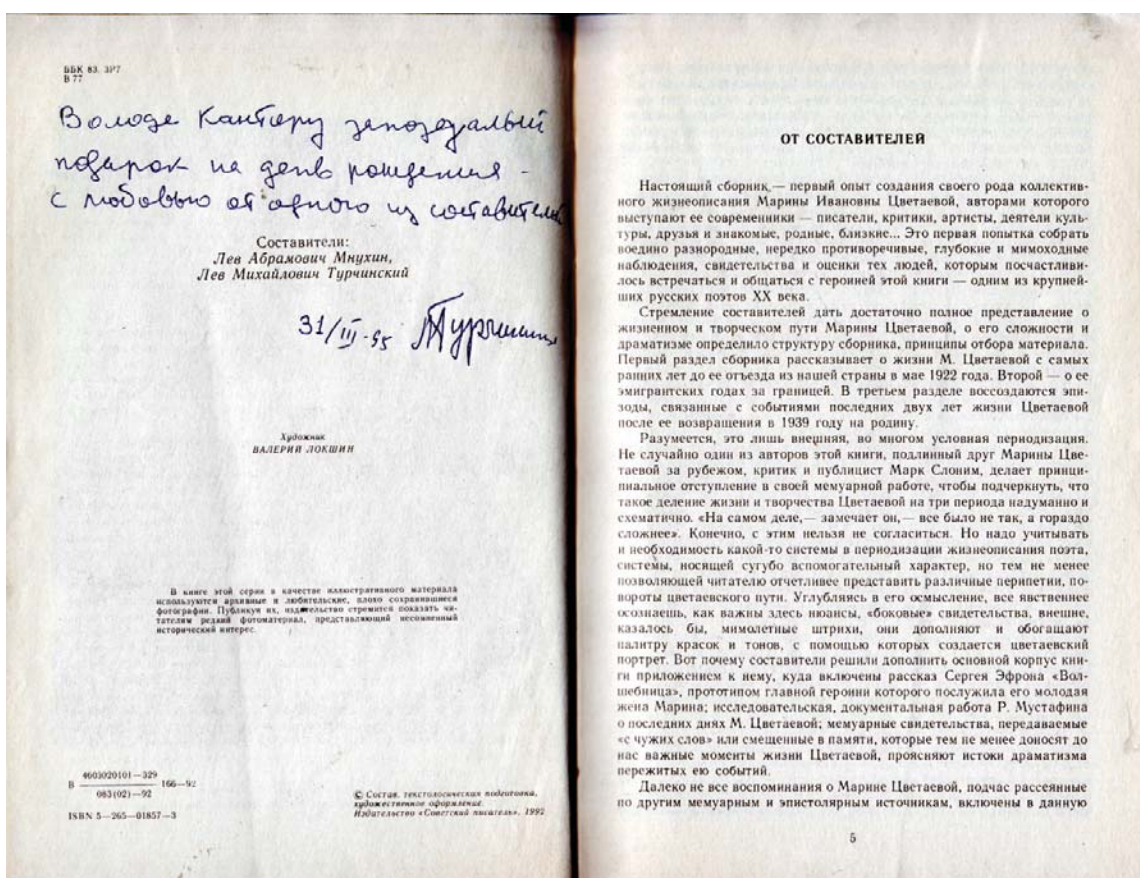
Цветаеву после эмиграции не переиздавали, упоминать ее имя было нельзя — ее вычеркивали из истории литературы. В 1930-е годы поэта

и Роман Тименчик, и Анна Саакянц. Дружил он и с Вадимом Козовым.

Турчинскому он и его жена передали бумаги, оставшиеся от Ивинской и Пастернака. Архив у Лёвушки собирался немалый. Но самое главное — все книги и рукописи, которые у него были, он не просто собирал, он их читал. И начитанность его была феноменальной. Он очень смущался, когда кто-нибудь при нем неверно цитировал Цветаеву или Пастернака, тихо поправлял. Фотографии удивительно точно передают его облик, очень доброго и открытого человека. Когда Козовой эмигрировал во Францию, он сумел пригласить в Париж Турчинского. Удивительно рассказывал Лев о Париже. Он ходил вдоль

Марина Ивановна Цветаева (1892–1941)

Лёвка повторял: «Не забывайте брать автографы». Вот и эта книга с его автографом

Четыре ключевые библиографии русской поэзии XX века. Слева направо: Борис Гусман: «100 поэтов: литературные портреты» (1923), Анатолий Тарасенков: «Русские поэты XX века. 1900–1955» (1966), Анатолий Тарасенков и Лев Турчинский: «Русские поэты XX века. 1900–1955. Материалы для библиографии» (2004), Лев Турчинский: «Русские поэты XX века. Материалы для библиографии» (2007).

Из коллекции Л. М. Турчинского

Георгия Оболдуева сослали в Карелию просто за то, что он вслух в компании прочитал ее стихи.

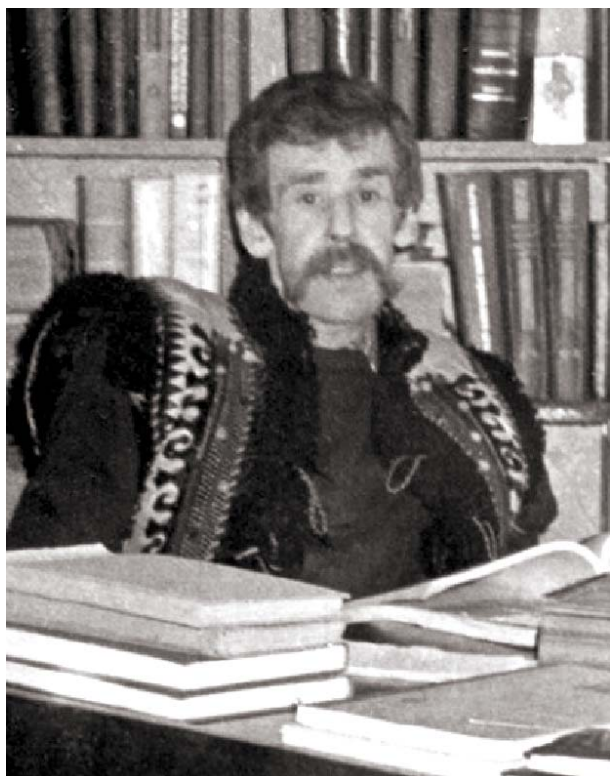
Турчинский был переплетчиком в том числе самиздатской литературы. Но всю жизнь практически посвятил созданию библиографии русской поэзии XX века.

* * *

Свою прозу я ему показал позже. Это была повесть «Два дома». Повесть, которую отвергли все наши журналы. А Лёвке она понравилась, понравилась и Кормеру, который сказал, что испытывает по ее поводу чувство «белой зависти». Понравилась и моему другу тех лет Андрею Кистяковскому, блистательному переводчику, среди прочего переведшему «Властелина колец». Андрей предложил отослать ее на Запад, я почему-то отказался. Но не в этом дело, я рассказал Льву, что один очень крупный критик, в будущем главный редактор толстого либерального журнала сказал мне, что прозу мою, конечно, печатать не будет никто, поскольку я не вхожу никак в литературный процесс, в контекст того, что делается сегодня в литературе, что он не видит меня как автора какого-либо журнала. На что Лёвка сплюнул (мы сидели во дворе на лавочке): «Ну и хрен с этим литературным процессом, главное, что ты теперь в литературе. Это я тебе говорю». Потом был роман «Крокодил», который три

года блуждал по разным редакциям, пока Турчинский не сказал, что он его переплетет, что пусть у меня будет он как книга. Так и сделал. Но всё же нашелся Саня Лурье, который сумел пробить роман в журнале «Нева». Потом его три или четыре раза издали, о нем был десяток статей, его перевели на четыре языка, но по мнению всё того же благожелательного либерального критика, моя проза так и не стала частью литературного процесса.

Турчинский давал читать переплетенный экземпляр друзьям, и это было хорошо. Книга о страшном Мордоре и отважных хоббитах, ее первая часть, переведенная Андреем Кистяковским (третий экземпляр машинописи он подарил мне), тоже долго жила в переплете Турчинского. Теперь эта книга стала частью молодежной русскоязычной субкультуры¹.

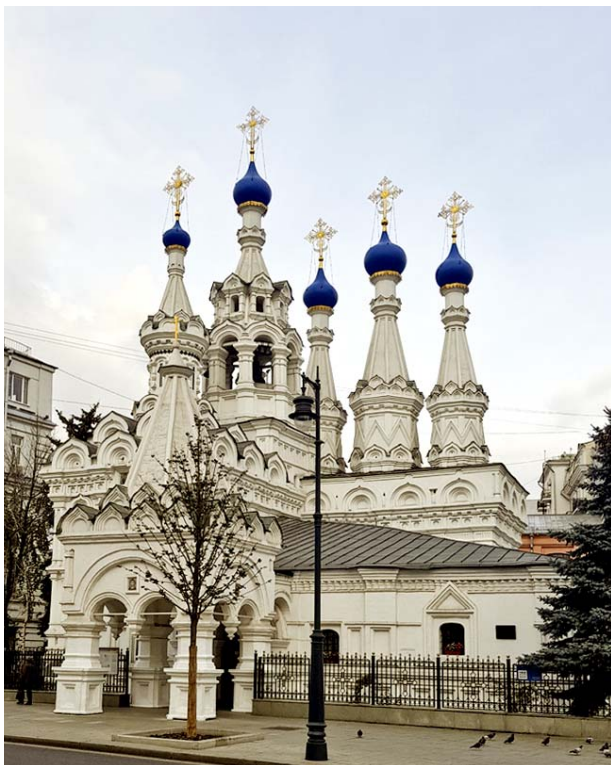

Андрей Андреевич Кистяковский
(1936–1987)

Андрей был сильным человеком, дворянин, внучатый племянник знаменитого Богдана Кистяковского, автора «Вех», при этом в Советской армии он служил в десантных войсках, жил книгами, но умел драться, гордился этим.

Начиная с 1978 года Кистяковский участвовал в работе созданного А. И. Солженицыным Фонда помощи политзаключенным, распорядителем которого в СССР в то время был С. Ходорович. После своего ареста в апреле 1983-го он назначил Кистяковского своим преемником. 18 мая 1983 года Кистяковский объявил о том, что вступил в распоряжение Фондом, после чего сразу же подвергся обыскам, угрозам и даже избиению. Через год у переводчи-

¹ Я написал рецензию на эту книгу. Первая рецензия на «Хранителей» в переводе А. Кистяковского и В. Муравьева. Опубликовано в журнале «Литературное обозрение» (1983. № 3. С. 64–66). Позднее с этой статьи начинались интернетные «Архивы Минас-Тирита».

Церковь Рождества Пресвятой Богородицы
в Путинках

ка был обнаружен рак, и он на долгое время попал в больницу.

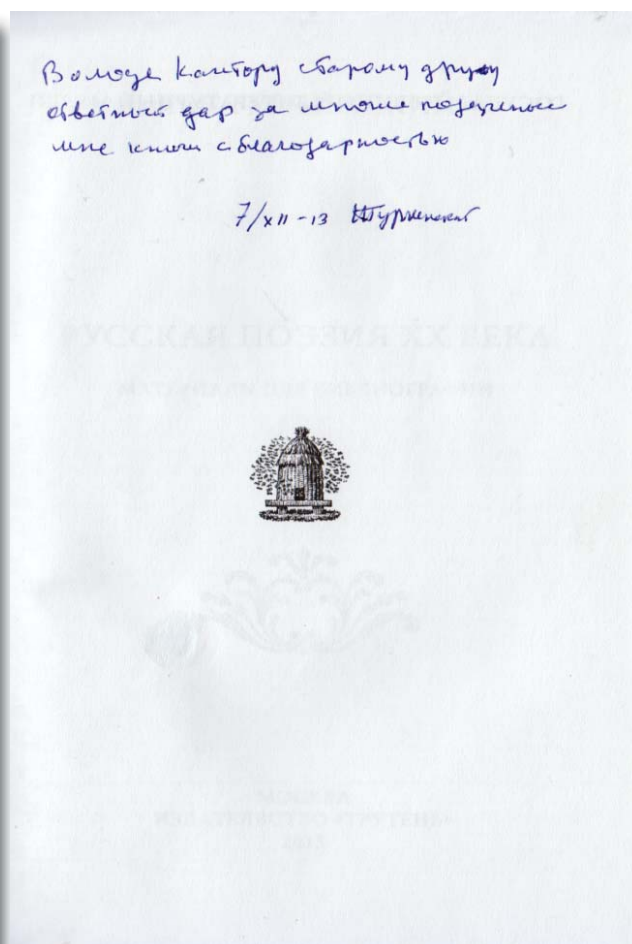
Он тоже отказался сотрудничать с органами. И его тоже наказали, как и Лёвку Турчинского. Его дюжие молодцы остановили в переулке и начали бить. Но, как рассказывал сам Андрей, из своего десантного прошлого он помнил, что надо всегда стоять на ногах. И он вставал. И его снова били, пока он не потерял сознание. Когда пришел в себя, идти он не мог, и через шоссе к своему дому он полз. А тетки говорили: «День еще, а мужик уже так нализался». Рядом с его домом на улице Чехова (ныне снова Малая Дмитровка) стоит церковь Рождества Богородицы в Путинках. Как пишут искусствове-

Владимир Кантор на презентации книги Льва Турчинского. Стоит Ася, дочь Турчинского. 2019

Покажу и саму книгу

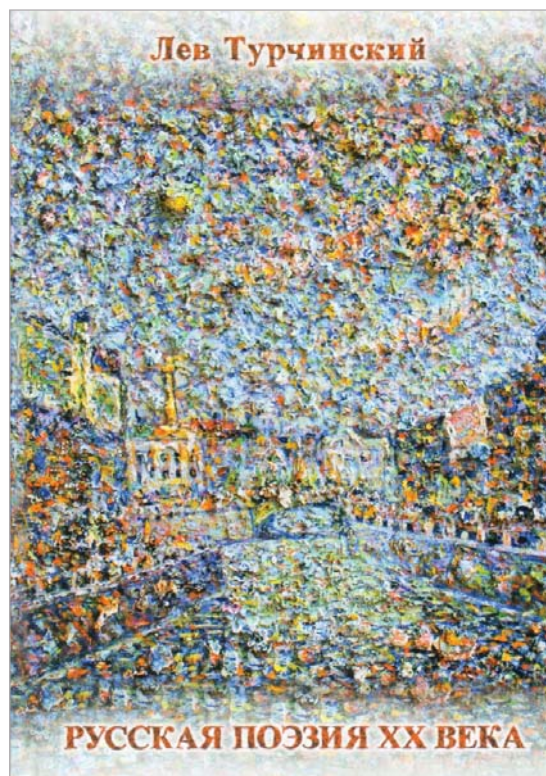
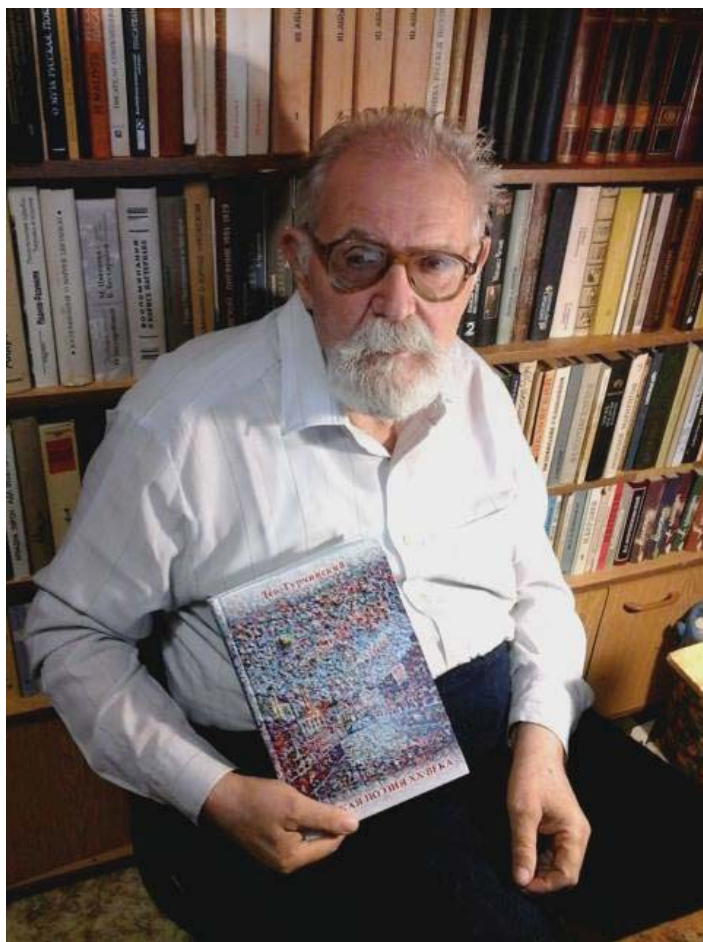

Вот еще один автограф Турчинского

ды, при повороте со Страстного бульвара на Малую Дмитровку открывается панорама потрясающего по красоте шатрового храма — это церковь Рождества Пресвятой Богородицы в Путинках. Так назывался в XVII веке этот район на окраине Москвы, за Тверскими воротами, из-за нахождения тут Путевого двора, где останавливались заграничные послы. А еще потому, что здесь начинался «путь» в северные земли.

* * *

Что еще добавить? Лёвка жил на улице Вересковой. Квартира Турчинского была маленькая, двухкомнатная, заставленная стеллажами и лежавшими на полу книгами. На стене фотография Мандельштама. Его жена Зина, большая, крупная и очень спокойная женщина, сводная сестра германиста Михаила Рудницкого, моего приятеля по университету, создавала какой-то странный уют в квартире. С Зиной он познакомился еще в Горьком, в букинистическом магазине, где оба искали стихи запрещенного тогда Гумилева. Ну и поженились. И родилась светлая девочка, их дочка Ася.

Турчинский Л. Русская поэзия XX века. 1961–1991: Библиографический справочник. М.: Труть, 2016. 632 с.

Пусть светом и закончатся эти строчки.

В завершение статьи я хотел бы дать хорошую, очень удачную фотографию Льва Турчинского — с его книгой-библиографией. И показать саму книгу. Простимся с великим библиографом и читателем, великим книжником, он у меня в памяти. Может, кто из читателей тоже увидит его моими глазами.

Информация об авторе: В. К. Кантор — доктор философских наук, ординарный профессор, главный научный сотрудник, заведующий Международной лабораторией русско-европейского интеллектуального диалога, главный редактор журнала «Философические письма. Русско-европейский диалог». Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Адрес: Российская Федерация, 105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4, каб. 215.

Information about the author: V. K. Kantor — DSc in Philosophy, Full Professor, Chief Research Fellow, the Head of International Laboratory for the Study of Russian

and European Intellectual Dialogue, Editor-in-Chief of the journal “Philosophical Letters. Russian and European Dialogue”. National Research University “Higher School of Economics” (HSE University). Address: 215, 21/4 Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.01.2022;
принята к публикации 20.02.2022.

The article was submitted 10.01.2022;
accepted for publication 20.02.2022.